

ГУСТАВ ШПЕТ
И СОВРЕМЕННАЯ
ФИЛОСОФИЯ
ГУМАНИТАРНОГО
ЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2006

Ш 83 Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 464 с.

ISBN 5-9551-0109-8

Коллективная монография является результатом и продолжением работы Международной конференции (Москва, 2004) в честь 125-летия со дня рождения выдающегося русского философа Г. Г. Шпета. В книге представлены исследования его философского и научного наследия в контексте проблем современной эпистемологии. Специалисты в области философии науки, эпистемологии и истории философии рассмотрели в методологическом ключе герменевтические, феноменологические, семиотические идеи Г. Г. Шпета, выявили их методологическую значимость для современной гуманитаристики: филологии, лингвистики, истории, психологии, истории философии. Архивные и мемуарные материалы, отдельные биографические исследования, не публиковавшиеся ранее документы позволяют не только восстановить интеллектуальный вклад Шпета в развитие русской и западноевропейской философской мысли, но и представить его идеи в контексте современной философии науки, одной из ключевых проблем которой является методология гуманитарного знания.

Книга предназначена для философов, методологов, историков философии, ученых-гуманитариев, а также для всех, интересующихся историей русской философии и современной проблематикой гуманитарных наук.

ББК 87.3(2)6

В оформлении переплета использован фрагмент фрески Рафаэля «Афинская школа». Гравюра этой фрески была подарена Г. Г. Шпету в 1925 году к юбилею его трудовой деятельности друзьями и коллегами по ГАХНу, авторы графы которых приведены на фронтиспise.

ISBN 5-9551-0109-8

© Авторы, 2005

© Языки славянских культур, 2005

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Введение (Т. Г. Щерина)	7
Раздел I. Идеи Густава Шпета в контексте современных проблем философии и методологии науки	19
Густав Шпет и современная философия науки (Л. А. Микешина)	21
Немецкая философия и российская гуманитарная мысль: С. Л. Рубинштейн и Г. Г. Шпет (В. А. Лекторский)	62
Гетерогенез мысли: подходы Л. С. Выготского и Г. Г. Шпета (продолжение разговора) (В. П. Зинченко)	82
Между контекстом открытия и контекстом обоснования: методология науки Густава Шпета (Б. И. Пружинин)	135
Спор о рационализме: философия и культура (Э. Гуссерль, Л. Шестов и Г. Шпет) (В. Н. Порус)	146
Раздел II. Методология гуманитарного знания	169
Антропология или история. Полемика Г. Г. Шпета с В. Дильтеем по поводу оснований гуманитарных наук (Н. С. Плотников)	171
Тайна филологов (В. Л. Махлин)	187
«Сердечные» искажения в пространстве эстетики: Густав Шпет и Лев Выготский (И. М. Чубаров)	221
Логика творческого акта в философии Густава Шпета (М. Дени)	236
Внутренняя форма слова как гуманитарный универсум (текстологический анализ) (Р. А. Счастливец)	251
Пропедевтическое значение феноменологии для гуманитарного познания (Д. В. Солдатова)	261
Раздел III. Густав Шпет в русском философском сообществе начала XX века	267
Густав Шпет как историк русской философии (В. К. Кантор)	269

Коммуникативное пространство русского философского сообщества (опыт архивной реконструкции философского архива Густава Шпета) (<i>Т. Г. Щедрина</i>)	302
Густав Шпет в воспоминаниях современников и учеников (<i>М. Г. Шторх, урожд. Шпет</i>)	324
Рационализм философии Густава Шпета: между европейской и восточной традициями (<i>А. А. Биневский</i>)	330
Тема философии и жизни в творчестве Г. Шпета (историко-философский аспект) (<i>Л. В. Федорова</i>)	340
Густав Шпет, Павел Флоренский и «поле философии» (<i>А. И. Резниченко</i>)	351
Д. И. Чижевский, Е. Д. Шор и Г. Г. Шпет (<i>В. Янцен</i>)	357
Раздел IV. Архив эпохи	383
Приложение 1. Прокофьев П. (Д. И. Чижевский) Густав Шпет. Очерки развития русской философии. Первая часть. Петербург, 1922. С. XVI–350	385
Приложение 2. (Чижевский Д. И.) Рецензия на Г. Шпета: Очерк истории русской философии. Ч. I. СПб., 1922	390
Приложение 3. Шор Е. Д. Письма Г. Г. Шпету и неизвестному парижскому корреспонденту	403
Раздел V. Материалы презентации	413
О книге Т. Г. Щедриной «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета» (<i>М.</i> , 2004)	415
Указатель имен (<i>С. В. Черненко</i>)	447
Авторский коллектив	460

ВВЕДЕНИЕ

Размышляя о возможных подходах к истории философии, Карл Ясперс заметил, что «в знании о прошлом (...) заключается новая философская современность. Фактически — это некая основная философская форма изначального философствования — понимать и делать очевидным во взаимосвязи с традицией, в изучении старых текстов то, что, таясь в глубине, движет настоящим»¹. Мысль Ясперса можно считать своего рода лейтмотивом этой книги.

Эта коллективная монография — результат общения философов и ученых в рамках международной конференции «Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания», состоявшейся в Москве 19–20 апреля 2004 года. В книге представлены исследования эпистемологов, предлагающих современный проблемный ракурс прочтения научных и теоретических идей Шпета, и историков философии, рассматривающих его творческое наследие как исторически осуществившийся опыт мышления. Их работа ведется в двух разнонаправленных контекстах. Историки философии предлагают историко-герменевтический анализ, базируясь на смысловых нюансах философских концептов и философских проблем, заданных самим Шпетом. Эпистемологи пытаются переформулировать идеи Шпета, наполняя их новым смысловым содержанием. Для одних важнее история, для других доминирующей оказывается современность. И тем не менее, это именно *монография*, т. е. «научная книга, посвященная исследованию одного вопроса, одной теме»². При таком, казалось

¹ Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. СПб., 2000. С. 97.

² См.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. Т. II. М., 2000. Стб. 255.

бы, непреодолимом разрыве и в мыслительных ходах, и в философском лексиконе трудно было бы себе представить «понимающий» разговор о Шпете. Но взаимное пересечение эпистемологических и историко-философских проблем, схваченных в тематических разделах этой книги, свидетельствует о том, что такой разговор состоялся.

Этот шаг к проблемному обсуждению научных и теоретических идей Шпета стал необходим, поскольку изменилась интеллектуальная направленность исследователей русской философии, обусловленная определенным историческим контекстом. Чтобы понять, почему это произошло, надо принять во внимание различие социокультурных ситуаций — той, в которой работали российские исследователи-философы с наследием русских мыслителей пятнадцать лет назад, и сегодняшней.

Ситуация, в которой осуществлялись исследования русской философской мысли в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века, — время «сенсационных» публикаций архивных текстов из богатого наследия еще недавно запрещенных русских мыслителей»³, открытие возможностей для архивной работы, разрешение публикаций текстов русских религиозных философов. В то время «раскрепощенного отношения» к русской философской традиции многим казалось, что восстановление в правах философских текстов русских мыслителей начала XX века само по себе дает новый взгляд на вещи и творчески продолжает прерванную философскую традицию. «Казалось несомненным, — замечает С. С. Хоружий, — что едва Россия станет свободной, она найдет в этих текстах (текстах русских религиозных философов. — Т. Щ.) готовую основу для постсоветского сознания... Столь же несомненно, на базе заключенной здесь философии должен будет начаться новый подъем творческой религиозно-философской мысли. Мы знаем, что эти ожидания постиг провал»⁴.

Сегодня для многих уже стало очевидным, что для творческого продолжения русской философской традиции необходимо

³ Янцен В. Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы. М., 2002. С. 229.

⁴ Хоружий С. С. Путем зерна: русская религиозная философия сегодня // Вопросы философии. 1999. № 9. С. 141.

не «поспешное утоление духовного голода»⁵, но, как считает П. П. Гайденко, «*проблемный анализ творчества русских мыслителей, ...который мог бы дать нам ключ к решению сегодняшних вопросов, возникающих в сфере онтологии, теории познания, логики, философии науки, социологии и психологии*»⁶. Рационалистический поворот к проблемному анализу позволяет эксплицировать методологические установки русских философов и, в частности, поставить под вопрос тезис об «антиметодологичности» русской философской мысли. Да, конечно, можно говорить о заимствовании русскими философами западноевропейских идейных платформ, но это лишь одна сторона дела. Я думаю, гораздо важнее сегодня понять, что русские философы *умели учиться у Запада*. Это означает, что они не просто заимствовали голые схемы, но сумели сохранить собственную философскую традицию положительного отношения к действительности.

Конечно, проблемный подход всегда таит в себе опасность излишнего «осовременивания» идей русских философов, так как очень часто стирает их действительно-исторический смысл. Поэтому сегодня методологически эффективно (и в книге это реально демонстрируется) рассматривать философское наследие Шпета одновременно в двух проблемных сферах: современной и конкретно-исторической, что позволяет выявлять точки контекстуального напряжения, понимать каждый из контекстов посредством другого и, вероятно, формулировать новые проблемы, возникающие на пересечении этих контекстов. Причем именно такой методологический ход становится очень уместным фоном для оттенения идейных новаций Шпета и демонстрации актуальности его методологических подходов.

Именно на пересечении исследовательских контекстов становятся остро современными не только сами философские идеи Шпета, но и способ его философствования. Изменяется исследовательский ракурс рассмотрения идейного наследия Шпета, и в центре внимания оказываются не только содержательные момен-

⁵ Янцен В. Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы. М., 2002. С. 229.

⁶ Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2002. С. 12.

ты его философской концепции, но и сама форма концептуальных построений. Смена исследовательской позиции, т. е. перемещение центра исследовательского интереса из одной проблемной плоскости в другую, позволяет увидеть шпетовскую форму интерпретации философских проблем в объеме, а не на плоскости и наглядно продемонстрировать современность его методологического поиска.

Такой методологический сдвиг нам очень многое дает сегодня особенно при экспликации современных тематических предпочтений. Одна из последних тематизаций шпетовского идейного наследия непосредственно связана с попытками переосмысления проблемы субъект-объектной дихотомии в гуманитарных науках, что нашло выражение в статьях В. П. Зинченко и В. А. Лекторского. И В. П. Зинченко, и В. А. Лекторский актуализируют шпетовский способ проблематизации субъект-объектной дихотомии, но методологически они движутся разными путями, предпринимая попытки включения Шпета в разные традиции. Зинченко видит путь к современному прочтению Шпета в «общении идей» русских психологов того времени: Н. И. Жинкина, Н. Н. Волкова, Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьева, Н. А. Бернштейна и др. Автор выбирает способ внешнего расширения контекста за счет введения шпетовских новаций в широкий культурный «семантический ландшафт», «общее напряженное поле мысли» того времени. В. А. Лекторский задает внутренний проблемный контекст исследования шпетовских продуктивных методологических возможностей. Цель такой интерпретации в том, чтобы аналитическими средствами выявить специфику основных понятий шпетовской концепции, прослеживая их смысловую трансформацию. При такой постановке проблемы меняется и контекстуальное поле исследования. В. А. Лекторский включает шпетовские идеи в контекст развития западноевропейской философской мысли (Кант, Фихте, Гегель, Гуссерль). Несмотря на различие исследовательских подходов В. П. Зинченко и В. А. Лекторского, исследования, предпринятые ими, демонстрируют, что шпетовская постановка проблемы субъекта и тематизация методологических аспектов гуманитарного исследования, а также его попытка уточнения гумбольдтовского понятия «внутренней формы языка» интеллектуально созвучны с методологическими поисками современной гумани-

таристики, а его идеи активно участвуют в современных дискуссиях в гуманитарных науках.

Эпистемологический контекст исследования философских идей Шпета задается и Л. А. Микешинной. Но, в отличие от интерпретаций Зинченко и Лекторского, акцентирующих шпетовский способ *проблематизации* субъекта, она осуществляет своеобразный поворот к актуализации его методов *решения* проблемы субъект-объектной дихотомии как проблемы герменевтической. Методологический интерес Л. А. Микешинной направлен на фиксацию поставленных Шпетом философских проблем, которые задают конфигурацию современного исследовательского поиска эпистемологов и философов науки. Л. А. Микешина обосновывает необходимость спецификации методологических операций в гуманитарном знании, где эпистемологический опыт Шпета представлен не только как «уникальная реконструкция исторического развития герменевтики», но и как философский проект методологии гуманитарных наук.

Исследовательский интерес ведущих российских философов науки к теоретическим установкам Шпета во многом обусловлен еще и тем, что современному эпистемологическому сообществу требуются положительные идеи, способные не только оправдать необходимость методологической рефлексии, но и сохранить традицию познавательного отношения к действительности. По мнению Б. И. Пружинина, теоретические идеи Шпета оказываются остро современными. И не только потому, что русский философ ищет альтернативы гносеологическому проекту неокантианства, превращавшего предмет в продукт метода, и ассоцианистскому варианту эмпиризма с его опорой на психологического субъекта. Дело в другом. Шпет сохраняет уважительное отношение к науке, к самому способу жизни в науке, т. е. его методологический опыт нацелен на сохранение традиции передачи знания как самоценности. Именно в этом направлении шел Шпет и, как полагает Б. И. Пружинин, для современной эпистемологии это своего рода выход, возможность сохранения гносеологической традиции. Сохранить установку на познавательное отношение к действительности, на фундаментальное исследование как на ценность и сделать акцент именно на такой интерпретации научной традиции при передаче социокультурного опыта. Мысль о фундаментальной науке, передача этого опыта научной и логи-

ческой культуры, опыта незаинтересованного, непрагматического исследования является наиболее ценной сегодня в философском опыте Густава Шпета.

Исследования, проведенные авторами монографии, показывают, что философско-методологический проект Шпета не исчерпывается феноменологическим и герменевтическим контекстом прочтения⁷. Идеи Шпета гораздо богаче. Именно по этой причине необходим проблемный анализ его идейного наследия, позволяющий обсуждать эпистемологические вопросы даже там и, может быть, даже прежде всего там, где они не даны в готовом виде, но принципиально реконструируемы, причем как логико-аналитическими, так и историко-герменевтическими средствами. Вариант такого проблемного анализа представлен в статье Н. С. Плотникова. Автор обсуждает вполне респектабельную сегодня философскую проблему логического и методологического фундамента гуманитарных наук, но эта проблема предстает здесь в историческом контексте. Плотников реконструирует интеллектуальную полемику Шпета с Дильтеем. Он ставит под вопрос тезис о существовании общего, единого основания полемики Шпета и Дильтея, сдвигая свой интерес к частным и, на первый взгляд, несущественным, «тонким» деталям этой полемики. Тщательно продуманный логико-методологический анализ понятийных образований приводит Плотникова к выводу об отсутствии общего для Шпета и Дильтея подхода к проблеме эпистемологического статуса гуманитарных наук. Реконструируемая аргументация Шпета и Дильтея имеет сегодня не только историко-биографическую ценность.

Авторы монографии обратились и к тем идеям Шпета, которые в его текстах были лишь контурно очерчены, остались в

⁷ В последние пятнадцать лет шпетоведами был накоплен значительный содержательный материал. Их исследовательские стратегии развертывались в сфере текстологических исследований неопубликованных трудов Шпета. В то же время приобрел наиболее четкие контуры феноменологический и герменевтический ракурс интерпретации и актуализации шпетовских идей. Наиболее ярко эта тенденция проявилась на последних Шпетовских чтениях. См.: Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект): Г. Г. Шпет / *Comprehensio*. Четвертые Шпетовские чтения. Томск, 2003.

возможности и не получили дальнейшего развертывания. Так, в сферу исследовательского интереса И. М. Чубарова попадают именно маргинальные слои текстов Шпета. Поэтому и перспективная линия дальнейшего исследования философского наследия Шпета, намеченная И. М. Чубаровым, состоит в проблематизации наиболее сложных вопросов в области философской эстетики, не получивших однозначного разрешения, но затрагиваемых Шпетом в его трудах.

Методологический ракурс осмысления современных историко-философских исследований оказывается для современной эпистемологии весьма перспективным, поскольку значительно расширяет контекстуальное поле исследования познавательной проблематики. Современному методологическому исследованию важно обрести историческую фундированность, опереться на реальный контекст, на стержень историко-философского анализа. Когда философия науки, системная философия попадает в зависимость от проблем сегодняшних, когда возникает ситуативный синдром идеологизации (пусть даже и научной) исторических форм мысли, то появляется необходимость обратиться к истории философии как философскому основанию, найти и исторически оправдать «важные» для современного эпистемологического сообщества проблемы. Именно в этом направлении идет В. Н. Порус, наглядно демонстрируя, что современное методологическое исследование просто вынуждено обращаться к интеллектуальному опыту истории философии для осмысления проблемных точек культурной реальности. Современная европейская культура в опасности, печально констатирует Порус, поэтому исторический когнитивный опыт требует тщательной эпистемологической работы, позволяющей осмыслить истоки культурного кризиса, в том числе и кризиса современной научной культуры.

В монографии зафиксирована еще одна проблемная сфера — сфера герменевтики, требующая соотнесения эпистемологического и историко-философского исследования. Наиболее интересной тенденцией, непосредственно связанной с герменевтическим подходом в гуманитарных исследованиях, становится смещение методологии историко-философского анализа к комментаторской традиции. Комментарий становится сегодня одним

из центральных методологических подходов к тексту⁸. Но изменяется сам подход к содержательному комментированию текста, предполагающий включение комментируемого отрывка в широкий контекст: и в основной корпус текстов Шпета, и в экзистенциальный контекст, и в аналитическую ситуацию интеллектуальных тенденций начала XX века. Причем комментаторский сдвиг не закрывает целостную концепцию философа (Шпета в данном случае), но скорее открывает ее заново, в новом контексте, в новом ракурсе. Эту методологическую тенденцию, поворот к герменевтическому комментарию демонстрирует В. Л. Махлин, проблематизируя взаимосвязи философии, филологии и герменевтического принципа в подходе к историческому прошлому, к духовной истории или культурной истории вообще. При этом, как мне представляется, интерес читателя вызовет сам подход Махлина (т. е. последовательное комментирование отдельного фрагмента текста Шпета для прояснения возможных смысловых, культурных, исторических предпосылок), не просто провозглашающего эффективность герменевтического подхода, но реализующего в своем исследовании этот методологический ход. Кроме того, такой подход открывает панораму существовавших в истории, но не реализованных методологических возможностей герменевтики для современной методологии гуманитарного знания.

Проблемы методологии *гуманитарного* знания оказались в центре внимания М. Денн, Р. А. Счастливецва, Д. В. Солдатовой. М. Денн размышляет о методологических проблемах творчества в связи с идеями Шпета. Текстологический анализ шпетовского произведения «Внутренняя форма слова» представлен в статье Р. А. Счастливецва. В статье Д. В. Солдатовой раскрываются методологически эффективные возможности феноменологии для дальнейшего расширения проблематики гуманитарного знания.

В третьем разделе книги исследуются методологические предпосылки историко-философских произведений Шпета. В центре внимания В. К. Кантора оказалась очень важная для современ-

⁸ Эта тенденция поворота к комментарию отмечается и в статье А. Г. Черныкова. См.: *Черныков А. Г. Черный квадрат. О книге Н. В. Мотрошиловой «Идеи Г. Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию» // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 160–176.*

ной философской культуры проблема, которую когда-то четко сформулировал Шпет: это отношение к философии не просто как к одному из элементов культуры, но как к *индексу духовной зрелости* той или иной социально-исторической духовной общности. В то же время немаловажное значение сегодня приобретает вопрос о зрелости самой философской традиции, определяемой по наличию в ней гносеологического фундамента. В. К. Кантор зафиксировал точки интеллектуального созвучия между спецификой эпистемологических трудов Шпета, выраженной в тонком семиотическом анализе внутренней формы слова, и его блестящими историко-философскими исследованиями словесной ткани русского историко-культурного сознания. Эта важная особенность шпетовской методологии историко-философского исследования, детально проанализированная Кантором, приобретает особую актуальность для осмысления возможного общего основания разговора современных эпистемологов и историков философии, поскольку способствует переосмыслению мифологем о «негативном характере» историко-философского опыта Шпета.

Тема преодоления современных историко-философских мифологем стала предметом размышлений А. И. Резниченко, поставившей под вопрос мифологему «антигносеологичности» русской философии. В качестве демонстрации методологической неэффективности такой мифологемы для исследования русской философской традиции А. И. Резниченко использовала опыт сравнительного прочтения архивных текстов П. А. Флоренского и Г. Г. Шпета.

Эпистемологический ракурс рассмотрения историко-философского наследия Шпета предложен в статьях А. А. Биневского и Л. В. Федоровой. А. А. Биневский ставит вопрос о том, каким образом возможно сближение восточной Мудрости и европейского Разума, каковы основания взаимодействия этих культурных традиций. Для решения поставленной проблемы он обращается к феноменологическому опыту Шпета, в котором, как он полагает, такие основания были намечены. Л. В. Федорова ищет точки интеллектуального сближения Шпета с «героями» его историко-философских работ — Лавровым и Герценом. В такой контекстуальной прозрачности обнаруживается очень интересная мысль. Дело в том, что философские идеи Герцена и Лаврова,

занимавшие в шпетовской интерпретации русской философской мысли особое место, долгое время рассматривались в отечественной истории философии исключительно в социально-политическом контексте. Л. В. Федорова показывает, что Шпет иначе смотрит на содержание их идейных построений. Доминирующим в его интерпретации оказывается значимый и сегодня проблемный ракурс рассмотрения языкового сознания (и у Лаврова, и у Герцена) – ракурс, учитывающий его эпистемологические аспекты. По мысли Федоровой, шпетовский методологический подход к идеям Лаврова и Герцена становится весьма актуальным сегодня и позволяет выявить новые контекстуальные возможности для интерпретации философских идей Лаврова и Герцена.

Идейная направленность этой книги состоит не только в том, чтобы привлечь внимание к тем или иным научным и теоретическим идеям Шпета, но еще и в том, чтобы понять, каков экзистенциальный вектор его интеллектуальной биографии. В контексте этих идейных установок выполнена уникальная, по сути, работа В. Янца, который отыскал и тщательно прокомментировал письма Е. Д. Шора к Г. Г. Шпету из Иерусалимского архива и две рецензии Д. И. Чижевского на книгу Г. Г. Шпета «Очерк развития русской философии». В этом биографическом, по сути, контексте была найдена еще одна возможность продолжения разговора эпистемологов и историков философии, поскольку для современного историко-философского осмысления экзистенциальных истоков теоретических идей Шпета необходим эпистемологический анализ архивного наследия мыслителя и откликов современников на его творчество. Именно сегодня необходимо переосмысление методологического статуса архивного исследования, нужны не только содержательные исследования в области истории русской философии, но и методологическое осмысление дальнейших исследовательских возможностей. Во всяком случае, я думаю, что время жестких границ между отдельными архивами русских философов (архивами Флоренского, Лосева, Шпета и др.) уходит с исследовательской сцены. Сегодня особую важность приобретает целостный архив – «архив эпохи», в котором каждый голос участника философской сферы разговора приобретает смысл только в контексте историко-философских реконструкций тематических предпочтений философских себе-

седников⁹. Именно поэтому, я думаю, в наши дни необходима тщательная реконструктивная как аналитическая, так и герменевтическая работа с целостным массивом философских текстов русских мыслителей. Ведь в них таится еще не до конца освоенное нами понятийное богатство и множество идейных возможностей, не осуществившихся в силу тех или иных причин. Тем более что эти тексты были изъяты из «большого контекста» культуры, были лишены свободного обсуждения и критического переосмысления. Вот почему мы сегодня просто вынуждены *реконструировать* идейное наследие русских мыслителей, если хотим по-настоящему понять и освоить ту русскую философскую традицию, с которой говорим из своего времени.

В заключение мы хотим поблагодарить Российский гуманитарный научный фонд, без финансовой поддержки которого эта книга не увидела бы свет.

⁹ Такой опыт историко-философской реконструкции архивных материалов представлен в книге Т. Г. Щедриной «Я пишу как эхо другого...». Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета» (М.: Прогресс-Традиция, 2004), демонстрирующей новые возможности методологии Шпета применительно к историко-философскому исследованию. См. главу III: «Шпет в русском философском сообществе начала XX века». Материалы презентации книги представлены в приложении.